

Научная статья

DOI: 10.17748/2686-8814-2023-5-2-44-55

УДК 93.27:82

**ЯВЛЕНИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА НА КУБАНИ:
АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ****Богдан Андреевич Малиницкий**

Краснодарский государственный институт культуры

г. Краснодар

e-mail: malinitskiy02@mail.ru

Элеонора Николаевна Нежигай

Краснодарский государственный институт культуры

г. Краснодар

e-mail: myclub99@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме образа коллаборационизма в период Великой Отечественной войны в современной России на примере Кубани. Целью статьи является проведение анализа научных и литературных источников XX-XXI вв. В статье раскрываются различные типы людей, поступивших на службу к оккупационным войскам и их отличие от граждан Советского Союза вынужденных сотрудничать с оккупантами.

Ключевые слова: коллаборационизм, Кубань, политический коллаборационизм, казачий коллаборационизм, образ коллаборациониста, художественная литература

Для цитирования: Малиницкий Б.А, Нежигай Э.Н. Явление коллаборационизма на Кубани: анализ исторических источников и художественных произведений // Культурный ландшафт регионов 2023. Том. 5. № 2. С. 44-55.

DOI: 10.17748/2686-8814-2023-5-2-44-55

Original article**THE PHENOMENON OF COLLABORATION IN THE KUBAN:
ANALYSIS OF HISTORICAL SOURCES AND WORKS OF ART****Bogdan Andreevich Malinitsky**

Krasnodar State Institute of Culture

Krasnodar

e-mail: malinitskiy02@mail.ru

Eleonora Nikolaevna Nezhigai

State Institute of Culture

Krasnodar

e-mail: myclub99@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the problem of the image of collaboration during the Great Patriotic War in modern Russia on the example of the Kuban. The purpose of the article is to analyze scientific and literary sources of the XX-XXI centuries. The article reveals the different types of people who entered the service of the occupation forces and their difference from the citizens of the Soviet Union forced to cooperate with the occupiers.

Keywords: collaboration, Kuban, political collaboration, Cossack collaboration, the image of a collaborator, fiction

For citation: Malinitsky B.A., Nezhigai E.N. The phenomenon of collaboration in the Kuban: analysis of historical sources and works of art. *Cultural landscape of the regions*. 2023. Vol. 5. № 2. P. 44-55 (In Russ.).

DOI: 10.17748/2686-8814-2023-5-2-44-55

Введение

Тема коллаборационизма в Советском Союзе не была широко освещена, так как в советской историографии преобладала концепция морально-идеологического сплочения народов СССР перед лицом общего врага во время Великой Отечественной войны и только незначительное число граждан содействовало немецко-фашистским захватчикам. После развала Советского Союза в мире осталась одна сильная сверхдержава, и тему коллаборационизма более де-

тально стали изучать и раскрывать как западные исследователи, так и отечественные историки.

Сегодня в нашем многополярном мире идёт информационная война различных социально-политических и экономических групп за сохранение исторической правды и возникают попытки некоторых информационных агентств распространять исторические фейки. Чем дальше мы удаляемся от тех трагических событий истории, тем меньше остаётся непосредственных участников войны, которые могут рассказать всю правду о великом подвиге советского народа. Попытка не только иностранных, но и некоторых отечественных историков возвеличить роль коллаборационистов в Советском Союзе используется для расшатывания государственных и исторических скреп Российской Федерации как правопреемника СССР. (Например, 1 марта 2016 года состоялась защита докторской диссертации К.М. Александрова «Генералитет и офицерский корпус вооружённых формирований КОНР в 1943-46 годах») [2, с. 37].

Различия в позициях историков и писателей, воплощенные в исторических документах и художественных произведениях, формирующих в широких массах образ коллаборациониста на Кубани во время Великой Отечественной войны, заинтересовали нас.

Основная часть

Коллаборационизм (франц. *collaboration* – сотрудничество) - добровольное сотрудничество граждан оккупированной страны с противником во вред своему государству в ходе войны или вооружённого конфликта [3].

В Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны явление коллаборационизма характеризовалось терминами «сотрудничество с оккупантами» или «пособничество» и квалифицировалось как измена Родине [3].

Историки - исследователи коллаборационизма в странах Европы (американский исследователь Т. Шарота, историки Стэнли Хоффманн и - Чеслав Мадайтчик) выделяют три основные формы коллаборационизма: государственно-политическую, идеологическую и военную [4, с 21].

В произведениях советской и российской художественной литературы по-разному показан подход к проблеме коллаборационизма на Кубани. Коллаборационизм на территории Краснодарского края имел форму, которая отличалась спецификой участия различных слоёв населения в движении коллаборационизма центральных и северных регионов СССР. В произведениях литературы о Великой Отечественной войне и в исторических исследованиях по коллаборационизму в Советском Союзе высказывается мысль о том, что проблема содействия врагу во время оккупации края немецко-фашистским захватчикам лежит в сложной и неоднозначной истории Кубани, начиная с гражданской

войны 1917-1922 гг. на территории бывшей Российской империи. Регионы юга России (в их числе и казачьи регионы, включая Кубань) являлись наиболее сложными регионами в молодом Советском государстве. Проблемы в социально-экономической и политической сферах обостряли и без того беспокойную обстановку. Постепенная ликвидация казачества как класса, в первые годы после окончания гражданской войны, привела к напряжённости и нестабильности на Кубани, которая выразилась в казачьих бунтах, сопротивление введению продразвёрстки и продналога и др. Политика расказачивания толкнула часть казаков на борьбу с Советской властью. Поэтому немецкие войска, вторгаясь на Кубань, надеялись на широкую поддержку казачества.

«По политическому и экономическому состоянию и по географическому положению казаки делились на две группы: одну из них составляли солдаты и офицеры Белой армии и эмигранты 20-х годов, проживавшие в разных странах Европы, но преимущественно на Балканах; другую - казаки — солдаты и офицеры Красной Армии, сдавшиеся добровольно в плен немцам на фронте, а также те, кто проживал на родине в период оккупации и предложил свои услуги противнику, став коллаборационистом. Они приветствовали немецкие войска как своих освободителей и первыми стали создавать вооруженные легионы в рамках вермахта, сотрудничая с оккупационными властями» [11, с. 461].

Однако их ожиданиям не суждено было сбыться в полной мере, так как только меньшая часть кубанского казачества решилась выступить на стороне оккупантов. По мнению Е.Ф. Кринко, наиболее объективными цифрами представляется общая численность в 70-80 тысяч человек, воевавших на стороне врага в годы Великой Отечественной войне, при том, что лишь около 50 тысяч можно было отнести к потомственным казакам [6, с. 268], в то время как большая часть казаков вступила в РККА и советские казачьи части для борьбы с захватчиками.

Упоминания об участии кубанских казаков в формированиях и частях немецкой армии, состоящих из коллаборационистов, описываются довольно редко. Так, в документальной повести Павла Кузьмича Ушакова «Шла война народная» рассказывается о том, как Гитлер в своих планах предполагал создать многочисленную «Армию Освобождения» из казаков, горцев и всех тех, кто был недоволен советской властью». Для этого в станицы отправлялись специальные агенты «из белоэмигрантов и предателей» для агитации и последующей вербовки людей в это военное подразделение. Во главе движения были поставлены казачьи белоэмигрантские генералы Краснов и Шкуро. Несомненно, что мысли, высказанные в данном произведении, говорят о планах гитлеровцев разделить советский народ на противоборствующие группы, заставив их воевать между собой. Дальнейшие события, описываемые в произведении, показывают невозможность исполнения их планов. «Шкуро со своей свитой и штатом особых ра-

ботников гестапо мотался по кубанским станицам, сзывая казаков записываться в «Армию Освобождения». Сулил золотые горы и молочные реки. Действовал угрозой и шантажом. Но казаки враждебно либо с усмешкой встречали музейного генерала, не раз битого в годы гражданской войны». В повести говорится, что так и «не создали генералы свою армию» [5, с 88-89].

Однако (обратимся к труду военного историка М.И. Семиряги) исторические источники дают несколько иную концепцию развития событий. «К сентябрю 1942 г. практически вся территория проживания казаков на Северном Кавказе была захвачена противником, и командование группы армий «Юг» стало формировать казачьи воинские части. На протяжении сентября этой акцией занимался полковник Гельмут фон Паннвиц — сотрудник генерального штаба ОКХ (верховное командование сухопутных сил вермахта). Через месяц он был назначен командующим всеми казачьими частями. Атаманом кубанских казачьих войск был избран полковник Белый» [11, с. 462].

К сентябрю 1942 г. в Краснодаре началось формирование 7-й добровольческой казачьей дивизии, которая вскоре в районе Майкопа приняла участие в боях против Красной Армии. Ее название «добровольческая» весьма условно, ибо часть казаков вступила в нее, польстившись на различные льготы. Их семьям выдавалось вознаграждение в 500 рублей, некоторым из них предоставлялись дополнительные земельные наделы в 1 га на человека и по две лошади на хозяйство. Наполовину им снимались налоги [11, с. 462].

Одной из составных частей нацистской национальной пропагандистской политики стало стремление руководства фашистской Германии создать из мусульманских народов Кавказа воинские формирования. Они должны были быть использованы в боях против Красной Армии, в проведении различных карательных операций против партизан и мирного населения, а также для охраны важных военных объектов. Вместе с тем, по замыслу пропагандистских служб вермахта, мусульманские военные формирования должны были стать для населения оккупированных территорий ярким примером сотрудничества немцев с кавказскими народами в общей борьбе с большевизмом.

Оккупационные власти стремились использовать нерусские народы Советского Союза с большим размахом. В их документах неоднократно отмечается, что кроме 12 млн человек, проживающих на Кавказе, следует привлечь к антисоветской кампании и 18 млн татар, узбеков и представителей других тюркских пародов. Однако Гитлер, как следует из его высказываний в декабре 1941 г., опасался создания антисоветских воинских частей из грузин и армян. Он не доверял им и считал, что ценность от них будет незначительной. В середине 1942 г. в главном командовании сухопутных войск уже серьезно обсуждался вопрос о формировании туркестанского, кавказско-магометанского, грузинского,

армянского и тюркского легионов, а что касается татарских частей, то им не устанавливалось какого-либо ограничения. Вскоре такие легионы были созданы, однако вербовка в них проходила медленно, и немцам пришлось применять угрозы и шантаж [11, с. 384].

Впрочем, не всегда этим планам было предназначено осуществиться. Так, в повести В.А. Попова «Они приближали рассвет» говорится о том, что немцы старались привлекать на свою сторону в формирования коллаборационистов из числа азербайджанцев и другие горские народы, не только с помощью «пряника» (поощрений), но и с помощью «кнута», прибегая к угрозам физической расправы над родным военнопленных, активной военно-политической пропаганде, которая не соответствовала действительности, морению людей голодом: «... Мамеду и его товарищам немцы говорят: иди в горский полк воевать с большевиками, иди или ваших родных там, в Азербайджане, резать будем!... — Когда немец говорил: Баку взяли, тогда мы не знали, что делать. Сердце болело, голова совсем пустой был, как казан. — Скажи, зачем вас в немецкие шинели вырядили? — спросила Катя. — На фронт идём, девушка! Завтра выступаем. Уже винтовки получили, — проговорил Мамед. ... » [10].

Чаще всего эти подразделения использовались не на фронте, а для несения полицейских функций в тылу и в борьбе с партизанами. В данном произведении это показывается через призму диалога главной героини-партизанки Кати Соловьёвой с рядовым данного формирования Мамедом Абдулаевым. «— Затем, чтобы ты понял: никто вас на фронт отправлять не собирается. Взгляд Мамеда был недоумевающим. — Да. Вас хотят использовать в тылу для расправы с теми, кто не покорился фашистам. Для расстрелов советских людей.» [10]. Тем не менее, в произведении заложена мысль о том, что лишь меньшая часть участников таких подразделений служила оккупантам верой и правдой. Большинство же в той или иной степени противодействовало немецким захватчикам. «— Я не очень грамотный, — заговорил Мамед. — Простой пастух. Чабан с Талышских гор. Но я умею убивать волка, который ходит в отару. Пастухи так делают: бросают кусок мяса с ядом. Волк ест — издыхает... Мы тоже будем сыпать яд! — Ты что! — рассердилась Катя. — Вас всех перестреляют из-за этого подонка! — Нет, девушка, нет! Стрелять фашисты будут не нас, а полиция Сёмку. Такой наш яд будет, особый яд!» [10]. Мамед Абдулаев вместе со своими товарищами, используя хитрость и воспользовавшись обстоятельствами, уничтожает ревностно несущего свои обязанности полиция руками немецкого коменданта.

Несмотря на попытки гитлеровцев посеять межнациональную рознь на территории Краснодарского края, им это не удалось. Факты подтверждаются данными по итоговому отчету Краснодарского (Южного) штаба партизанского движения о боевой и разведывательной деятельности за период с августа 1942 по октябрь 1943 годов. Имеется следующая информация: «Штабы

объединяли 86 отрядов, с личным составом партизан: русских – 5 775; украинцев – 423; белорусов – 26; армян – 48; евреев – 39; адыгейцев – 46; других национальностей – 153 [9].

Но, наверное, одной из основных форм коллаборационизма был не идейный, а приспособленческий коллаборационизм. Он подразделялся на два вида: вынужденный и сознательный. Не опровергая эту концепцию, мы склоняемся к мнению российского военного историка М.И. Семиряги, который предложил разграничить понятия «коллаборационизм» и «сотрудничество». По его мнению, коллаборационизм — синоним «осознанного предательства и измены», а сотрудничество — вынужденные и неизбежные в условиях оккупации контакты, и связи местного населения с врагом [11]. Из этого можно сделать вывод, что коллаборационизм охватывает более узкое понятие, чем содействие врагу в любом виде деятельности.

Итак, можно сказать, что коллаборационизм – это осознанное предательство, наносящее ущерб Родине. Ярким примером сотрудничества (но не коллаборационизма) является образ старосты одной из станиц (название не указано, возможно, образ собирательный). В диалоге между партизаном и старостой раскрывается образ вынужденного сотрудничества местного жителя с оккупационными властями. Партизан решил отомстить врагам за свой отряд и мать. Он приходит к главе станицы, чтобы его убить. В своё оправдание он отвечает: «Воля твоя, сынок. Только я не предатель. У меня у самого сын в Красной Армии. Немцы силой заставили меня работать старостой. И никого я ещё не предал. Наоборот, многих спас. И твою мать выручил, когда две недели назад её арестовали из-за тебя полицаи» [5, с 86-87]. Также он помогает партизанам вычислить предателей, провокаторов и шпионов, даёт сведения партизанам о проведении против них операций немцами, показывает партизанам схрон оружия в лесу. Этот образ формирует неоднозначный, скорее положительный образ советского человека, который не только сумел выжить в дни оккупации Кубани, но и смог оказать поддержку партизанам и Красной армии. По состоянию на 25 октября 1942 года на связи с краевым штабом находилось 75 отрядов (5838 партизан), из которых в тылу врага действовали 29 отрядов (1636 партизан) [7, с. 107].

Но главный и самый распространённый образ коллаборациониста в художественной литературе представлял собой человек, вызвавшийся пойти на службу в полицаи или другую местную службу оккупационных властей. В его образе фигурировали следующие характеристики:

1) идейные либо белогвардейские постулаты «Великой России» под тем или иным немецким управлением или надежда на реванш Гражданской войны 1918-1922 гг.;

2) личная заинтересованность либо «шкурнические» интересы тех или иных представителей самых разных народов;

3) обида на советскую власть и надежда на устройство в социально-экономической лестнице немецкой бюрократии выше остальных граждан;

4) личные обиды и сведения счетов со своими обидчиками при помощи карательных органов новой власти.

Этот образ показан во многих произведениях литературы как советской, так и российской. Так, в произведении «Сердца трёх» российского литератора Александра Андреева показан образ отца и двух братьев полицаев Перстаковых, которые соответствуют типичному образу коллаборациониста [1]. Они пошли на службу в полицаи, как и их отец, для того чтобы отомстить оставшимся советским партийным работникам и своим обидчикам с помощью немецкой власти. Пытаясь выслужиться перед новой властью, они сдавали своих соседей и знакомых гестапо и другим органам оккупационной власти. Однако их конец был закономерен после того как советские войска освободили Краснодар.

Действительно, такие примеры находят своё подтверждение в исторических документах и в свидетельствах разведывательной агентуры по линии Управления НКВД по Краснодарскому краю: за первые полгода оккупации Кубани было выявлено 846 предателей Родины, в числе которых назывались старосты, бургомистры, полицейские, диверсанты и шпионы [8, с. 375].

Также в произведении «Шла война народная» (автор Павел Иншаков) староста станицы Волосюк вместе с полицаями обирали местное население. Предпосылками данного предательства являются личные обиды старосты: «Ревностно служит оккупантам господин староста. И не потому, что любит «новый порядок». Нет, мстит станичникам за то, что его раскулачили и выслали» [5, с. 78-79].

Встречается и ещё один необычный образ, высказывается мысль о том, что в предатели пошли не только те, кто был противником советской власти, но и те, кто так или иначе усиленно искал врагов народа в предвоенные годы и, чтобы спасти свою жизнь во время оккупации, пошёл на службу к фашистам [5, с. 38].

Кроме того, существовали активные помощники, предатели и изменники Родины в Красной армии и в партийных органах, которые часто для получения материальной выгоды, боясь поражения советской власти, переходили на сторону врага. Так, в самом начале оккупации Анапы, одноклассник подпольщицы Кати Соловьяновой при захвате города немецкими войсками пошёл служить в

полицаи, дослужившись впоследствии до начальника полиции. Его предательство поразило всех его знакомых: «Утром к их соседям Титаренко ворвались немцы. Привёл их туда Витька Соколов — бывший одноклассник, Витька-подхалим, тот самый, который сидел за одной партой с Аней Владимировой. А теперь Роза сообщила: одет он был в немецкую форму, на поясе у него болталась кобура с пистолетом. ... — Витька! Витька, предающий наших людей. Фашисты — звери. Но Витька! Тот самый, которому я совсем недавно шпаргалки по геометрии подбрасывала...» [10]. Незвестными для главных героев повести остались мотивы его перехода на сторону врага, ведь он не был противником советской власти, не симпатизировал не явно, не тайно врагу. Между командиром партизанского отряда и юными подпольщиками был диалог по этому поводу: «— Можно ли доверять Соколову, чтобы вы ответили? — Ответили бы, что можно, — хмуро сказал Солтановский. — Никогда не подумала бы, что он станет предателем, — вздохнула Катя». Также он участвовал в уничтожении связанных, которых знал в лицо [10].

Существовал ещё один тип коллаборациониста, — это дезертиры, поступившие на службу в ряды немецкой армии для получения материальных благ и занятия важных постов в местной оккупационной администрации. Таким примером в художественной литературе Кубани является образ партизанского радиста Яринова (в повести «Они приближали рассвет»), который не только сбежал с рацией к немцам, чем оставил свой отряд без связи, но и стал выдавать подпольщиков немецкой комендатуре. Он навёл врагов на партизанский отряд, в котором сам состоял, выдав немцам его местоположение. Затем, став провокатором, вывел молодёжь, которая была готова податься в партизаны, на немецкую засаду за городом [10].

Подводя итог проведённому анализу различных произведений, мы приходим к выводу, что если в научной литературе понятия «коллаборационизм» и «сотрудничество» имеют чёткое разграничение, то в художественной литературе, особенно советского периода, подобные дефиниции раскрываются за счет создания сложных психологических образов, оставляющих некоторый простор для рассуждений о мотивах предательства своей Родины.

В России термин «коллаборационизм» — это нанесении ущерба своей стране, при этом всегда акт сознательный и добровольный. В то же время работа на врага под угрозой смерти или других видов принуждения никогда не считалась коллаборационизмом, и подходит под понятие «сотрудничества».

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А.Г. Сердца трёх : Роман / А.Г Андреев ;.- Краснодар : 2001.-142 с.
2. Александров К.М. Генералитет и офицерский корпус вооруженных формирований КОНР в 1943-46 годах: Автореф. дис. канд. ист. наук. — СПб н/Д, 2015. — с. 37.
3. Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. — М. : Большая российская энциклопедия, 2004—2017.
4. Гросс Я. Т. Соседи. История уничтожения еврейского местечка. — М.: Текст, Дружба народов, 2002.
5. Иншаков П. К. Шла война народная : Докум. повесть / Павел Иншаков . - Краснодар : Кн. изд-во, 1977. - 254 с. : ил.; 20 см.
6. Кринко Е.Ф. В составе Вермахта и СС: коллаборационистские казачьи части // Исторические и политологические исследования. 2013. № 4 (54). С. 268
7. Лазовская С.В., Захарова И.Ю. Партизанское движение на Кубани 1942-1943 гг. // Научный вестник ЮИМ. 2017. № 1.
8. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). – Ростов-на-Дону, 2003. С. 375.
9. Официальный сайт администрации Краснодарского края. История партизанского движения в Краснодарском крае в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Из фондов ГКУ «Центр документации». URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/2102/>
10. Попов В. А. Они приближали рассвет / В. А. Попов. - Краснодар : Кн. изд-во, 1971. - 168 с. : ил.; 20 см.
11. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. — М.: РОССПЭН, 2000. –863 с.

REFERENCES

1. Andreev A.G. Hearts of three: A Novel. A.G. Andreev ;. Krasnodar : 2001.142 p.
2. Alexandrov K.M. Generalitat and the officer corps of the armed formations of the KONR in 1943-46: Abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. St. Petersburg n/A, 2015. p. 37.
3. The Great Russian Encyclopedia: [in 35 volumes], ch. ed. Yu. S. Osipov. M. : The Great Russian Encyclopedia, 2004-2017.
4. Gross Ya. T. Neighbors. The history of the destruction of the Jewish shtetl. M.: Text, Friendship of Peoples, 2002. p. 21.

5. Inshakov P. K. There was a people's war: Dokum. Novella. Pavel Inshakov . Krasnodar : Publishing house, 1977. 254 p. : ill.; 20 cm.
6. Krinko E.F. As part of the Wehrmacht and SS: collaborationist Cossack units. Historical and political studies. 2013. No. 4 (54). p. 268
7. Lazovskaya S.V., Zakharova I.Yu. The partisan movement in the Kuban 1942-1943. Scientific Bulletin of the YUIM. 2017. No. 1.
8. Linets S.I. The North Caucasus on the eve and during the Nazi occupation: the state and features of development (July 1942 - October 1943). Rostov–on-Don, 2003. p. 375.
9. Official website of the administration of the Krasnodar Territory. The history of the partisan movement in the Krasnodar Territory during the Great Patriotic War of 1941-1945. From the funds of the State Institution "Documentation Center". URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/2102/>
10. Popov V. A. They brought the dawn closer. V. A. Popov. Krasnodar Publishing house, 1971. 168 p. : ill.; 20 cm.
11. Semiryaga M. I. Collaboration. Nature, typology and manifestations during the Second World War. M.: ROSSPEN, 2000. 863 p.

Информация об авторах: Малиницкий Богдан Андреевич, студент 2 курса, обучающийся по направлению 51.03.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» Краснодарского государственного института культуры (г. Краснодар, Российская Федерация, ул. 40-летия Победы, д. 33)
e-mail: malinitskiy02@mail.ru

Нежигай Элеонора Николаевна, научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры (г. Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, д. 33)
e-mail: myclub99@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи:

Information about the authors: Malinitsky Bogdan Andreevich, student of 2nd course direction 51.03.04 “Museology and protection of objects of cultural and natural heritage”, Krasnodar State Institute of Culture (33, im. 40-letiya Pobedy St., Krasnodar), e-mail: malinitskiy02@mail.ru

Research supervisor: Eleonora Nikolaevna Nezhigai, Supervisor Associate Professor of the Department of History, Culturology and Museology, Krasnodar State Institute of Culture (33, im. 40-letiya Pobedy St., Krasnodar), e-mail: myclub99@mail.ru

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 03.03.2023

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 21.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2023

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов/ The authors declare no conflicts of interests

© Малиницкий Б.А. 2023

© Нежигай Э.Н. 2023

© «Культурный ландшафт регионов». 2023